

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ РУССКИЙ ПЕРЕВОДЧИК XVIII ВЕКА

К. И. Таунзенд

ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», г. Москва

В центре внимания в статье находятся опущения фрагментов английского романа в русском рукописном переводе середины XVIII в. Пропущенные части относятся к темам восприятия смерти, отношения к вере и понимания роли женщины. Это свидетельствует о том, что подобные опущения носят не случайный и не субъективный характер, но продиктованы различиями в национальной философской традиции двух культур.

Ключевые слова: история перевода, художественный перевод, опущения, отношение к смерти, отношение к вере, образ женщины

*Во всем, что он говорит, как и во всем, о чем он умалчивает,
сказывается удивительная скромность его души.
А. Франс «Суждения господина Жерома Куаньяра»*

Являясь актом межъязыковой и межкультурной коммуникации, перевод по своей природе открывает широкое поле для исследований в русле культурологии. Такие работы, безусловно, ведутся постоянно, и касаются они, в первую очередь, сопоставительного изучения культур сквозь призму переводного текста: отражения языковой картины мира одного лингвосоциума в зеркале другого языка, передачи реалий и культурно обусловленных ситуаций в переводе, влияния национальной традиции и морально-этических представлений принимающей культуры на переводной текст и т. д.

Признавая теоретическую значимость и практическую ценность таких исследований культуры в контексте языка и перевода, подчеркнем, что в своей совокупности они раскрывают национальную философскую традицию как «интегративную характеристику исторически выработанной коллективной идентичности народа», выражающую «высший уровень национального самосознания, который фиксирует своеобразие исторической реальности» определенного лингвосоциума [6: 10]. Здесь исследователь указывает, что национальная философская традиция функционирует, с одной стороны, как средство самоидентификации и, с другой стороны, как средство опознания иной культуры. Упомянутая онтологическая характеристика национального стиля мышления проявляет себя через «трактовку ключевых экзистенциалов человеческого бытия – любви, смерти, веры – в поэтическом и философском творчестве» [цит. раб.: 6]. При этом изучение этого явления, по мнению Л.Е. Яковлевой, составляет методологическую основу компаративистики.

В методологии современного лингвистического переводоведения, опирающегося на сравнительно-сопоставительный анализ исходного и переводного текстов, подход с позиции национальной философской традиции каждого языка, задействованного в конкретном акте межъязыковой и

межкультурной коммуникации, будет означать культурологический метод изучения перевода и распространяться прежде всего на художественный перевод, так как именно литературное творчество призвано поднимать вечные философские вопросы о смысле жизни, об отношении к смерти, о вере в Бога, о любви, о добре и зле. Эти темы приобретают культурно специфическую трактовку в национальной литературе, а, значит, подвергаются переосмыслению в процессе межкультурного перехода, который предполагается в любом акте художественного перевода. Вот почему мы говорим, что культурологический метод должен быть направлен, в первую очередь, на изучение художественного перевода с целью выявления сходств и различий национальных философских традиций, стоящих за двумя текстами и обуславливающих закономерности языкового творчества и межъязыкового перехода.

Однако применять культурологический метод для анализа художественных переводов следует непременно с учетом представлений о назначении литературного перевода в ту или иную эпоху, поскольку различные историко-культурные традиции обращения с оригиналом существенно влияли на способы отражения содержания и стилистики исходного текста в иной языковой и культурной среде. Так, в разные периоды истории перевода в России литературный перевод выполнял различные функции: просветительские задачи XVIII в. были потеснены эстетическими целями в начале XIX в., чтобы вновь уступить первенство познавательной функции литературы на протяжении XIX в., а затем с начала XX в. обратиться к отражению своеобразия авторского стиля и замысла. Совмещение просветительской и эстетической функций художественного перевода «на равных правах» окончательно произошло примерно к середине XX в. [3: 27–29].

Отсюда закономерно следует вывод о том, что отражение национальной философской традиции в исходном тексте по-разному преломлялось в русских переводах в зависимости от исторического контекста понимания целей художественного перевода. По этой причине «показательность» русских переводных текстов разных эпох в плане выявления особенностей философского стиля мышления народа будет неодинаковой. Так, к примеру, изучение современных литературных переводов на русский язык с этой целью окажется наименее продуктивным ввиду господства требований максимальной эквивалентности и адекватности при передаче художественно-эстетического содержания оригинала. Иными словами, современная культурная традиция нацелена на полную аутентичность воспроизведения мысли и слога оригинала, что предполагает перенос философской позиции автора настолько полно, насколько это вообще возможно. В таких условиях интерференция философского взгляда принимающей культуры максимально снижена.

Русские переводы XVIII в., напротив, имели перед собой цель перенести на родную почву неизвестные здесь прежде литературные жанры и стили, познакомить принимающую культуру с новыми формами изящной словесности. Естественно, что эта новизна и непривычность форм и содержания литературы не могли быть сразу целиком и без остатка восприняты национальным языком и культурой. О сохранении подлинности художественно-эстетического впечатления оригинала не могло быть и речи. В вопросах, касающихся

фундаментальных основ человеческого бытия, русский переводчик XVIII в. был не в состоянии принять или перенять чуждый ему стиль мышления и отношения к жизни, выраженный в иноязычном тексте. Такого рода столкновения национальных философских традиций в сознании переводчика и, как следствие, на страницах перевода, обостренные новизной и необычностью впечатления, уже сами по себе представляют богатейший материал для исследования культурологических аспектов перевода. Каким образом русский переводчик XVIII в. передавал инокультурный взгляд на главные темы бытия, звучавший со страниц западноевропейской литературы, и в чем проявляла себя русская философская традиция в переводном тексте при столкновении с инациональным стилем мышления – ответы на эти вопросы находятся в центре внимания данной статьи.

В качестве материала для исследования был взят русский рукописный перевод романа английской писательницы Сары Филдинг (1710 – 1768) “The Adventures of David Simple, containing an Account of his Travels through the Cities of London and Westminster, in the Search of a Real Friend”, выполненный переводчиком Академии наук Сергеем Саввичем Волчковым (1707 – после 1773 / 1774) в середине XVIII в. и доступный нам сегодня в списке из собрания Н. С. Тихонравова (РГБ, Ф. 299 № 304) под заглавием «Истинный друг или Житие Давида Симпеля». Причин выбора именно этого текста для целей нашей работы было несколько.

Во-первых, создавший его человек был самым плодовитым переводчиком восемнадцатого столетия в России, который проработал в этой должности всю жизнь и переводил с разных языков не только специальные тексты по заданию Академии наук, но и художественные произведения. Это означает, что он был в состоянии в полной мере понять и воспринять авторский замысел в английском оригинале, а также обладал необходимыми профессиональными навыками для передачи иноязычного художественного текста средствами русского языка. Иными словами, мы имеем дело с полноценным для своего времени художественным переводом. Во-вторых, С.С. Волчков не создавал собственных литературных произведений, что исключает вмешательство личного творческого начала в текст перевода. В-третьих, русский переводной рукописный роман середины XVIII в. представляет собой уникальный тип, сочетающий в себе язык и поэтику допетровской книжной культуры Московской Руси с характерными чертами литературы нового времени, зарождавшейся в России по западноевропейским образцам, о чем мы писали в предыдущей работе применительно к истории создания и анализу именно этого перевода [4]. Совокупность приведенных фактов позволяет нам проследить столкновение английской и русской философских традиций на листах художественного перевода и обнаружить тот контраст своего и чужого стилей мышления, которые увидел русский переводчик XVIII в.

В процессе сопоставления этого рукописного перевода с английским оригиналом наше внимание привлекли опущения целых фрагментов исходного текста, встречающиеся не так часто, но неизменно касающиеся постоянного набора философских тем. Мы оставляем сейчас за рамками нашей работы те немногие опущения нерелевантной для русского читателя XVIII в. информации,

которые следует отнести к приемам прагматической адаптации перевода, как, например, пропуск объемной части оригинала, описывающей правила приглашения гостей к игре в вист [7: 140–141]. Чтобы не усложнять восприятие и понимание и так непривычных читателю сюжетов, переводчик опустил эту культурно специфичную информацию, что в сущности составляет основное назначение опущений в переводе как в восемнадцатом столетии, так и на современном этапе.

Мы же остановимся здесь на тех случаях, когда С.С. Волчков опускает частично или полностью отрезки оригинала, где говорится об отношении к смерти близких, о смене вероисповедания, о психологии и поведении женщин по отношению к мужчинам. Подобные темы отнюдь не являются культурно специфичными, но, напротив, относятся к общечеловеческим проблемам. Однако их интерпретация обращает нас к области культуры, а именно к различиям национальных философских традиций исходной и принимающей культур.

Вопрос восприятия смерти близкого человека встает в английском романе несколько раз, и во всех случаях автор и переводчик выражают свое отношение к этой теме весьма последовательно, каждый – в духе своего национального мировоззрения. Рассмотрим их действия на конкретных примерах.

The Adventures of David Simple by Sarah Fielding

1) The loss of so good a father was sensibly felt by the tender-hearted David; he was in the utmost affliction, till by a philosophical consideration, assisted by a natural calmness he had in his own temper, he was enabled to overcome his grief and began again to enjoy his former serenity of mind. His brother, who was of much gayer disposition, soon recovered his spirits [7: 4].

2) Though he soothed his concern as much as possible with the consideration that he was arrived to an age, wherein to breathe was all that could be expected, and that diseases and pains must have filled up the rest of his life. At last he began to reflect even with pleasure, that the man, whom he had so much reason to esteem and value, had escaped the most miserable part of a human life. For hitherto the old man had enjoyed good health, and he was one of those sort of men who had good principles, designed well and did all the good in his power. But at the same time was void of those delicacies and strong sensations of

Истинный друг или Жизнь Давида Симпеля /пер. С. С. Волčkова/

1) С природы жалостливой Давид по добродетельном отце своем долго плакал и печалился; а вертопрашной Данила милостивого и ласкового родителя очень скоро забыл [1: 8об].

2) Хотя дядя его благонравной, разумной и добродетельной человек был, однако ж таких нежных и совершенное благополучие составляющих свойств в себе не имел, которья больше глазом видеть и сердцем чувствовать можно, а языком и пером выразить нельзя [1: 29об].

the mind, which constitute both the happiness and misery of those who are possessed of them [7: 34].

3) ... and as to their grief at his death, there is to most people a terror and melancholy in death itself, which strikes them with horror at the sight of it. And it being usual for families to cry and mourn for their relations till they are buried, there is such a prevalence in custom, that it is not uncommon to see a whole house in tears for the death of those very people they have hated and abused while living, though their grief ceases with their funerals.

Yet, notwithstanding all this, I make no doubt, that on the death of either, the others could have performed the ceremony of crying with as good a grace, as if they had loved one another ever so well. Nay, and what is yet more surprising, this grief might not have been altogether affectation; for when any person is in so low a state of body, mind or fortune, as makes it impossible for them to be the objects of envy, if there is the least grain of compassion or good nature in the human mind, it has full power to exert itself and the thought of being about forever to lose anybody we are used to converse with, like a charm, suddenly banishes from our thoughts all the bad, which former piques and quarrels ever suggested to us they had in them, and immediately brings to our remembrance all the good qualities they possessed [7: 80 – 82].

Пропущено целиком!

Пропущено целиком!

Пример 1) повествует о смерти отца главного героя и о том, как пережили ее два его сына. Пример 2) описывает отношения Давида Симпеля к смерти его дяди-благодетеля, оставившего ему большое наследство. В примере 3) говорится о восприятии смерти родственника несколькими второстепенными персонажами. Во всех случаях английская писательница делает акцент на то, что тяжесть утраты близкого человека скоро уходит, горе забывается, и жизнь возвращается в прежнее русло.

Русский переводчик во всех приведенных фрагментах опускает все, что касается преходящего характера горя. В примере 1) он меняет ракурс интерпретации этой темы так, чтобы через нее подчеркнуть разницу в характере братьев: забыть родителя и утешиться после его смерти мог только нечестивый брат. Главный же герой, будучи человеком добродетельным, не мог и не должен был, в понимании русского переводчика, найти утешение по смерти отца. В

примере 2) Сергей Саввич Волчков оставляет без перевода рассуждение автора о том, что скорая кончина лучше для самого человека и утешительнее для его близких, чем длительная и тяжелая болезнь. В примере 3) русский переводчик полностью игнорирует высказывания автора о лицемерном отношении родственников к смерти человека и о скором его забвении. Итак, оба – автор и переводчик – проявляют последовательность в интерпретации темы отношения к смерти близких: английская писательница говорит, что горе проходит, что смерть может оказаться лучшим исходом и что она быстро забывается, а русский переводчик планомерно подвергает такие рассуждения опущению.

Очевидно, здесь мы имеем дело с отличием в национальной традиции восприятия смерти. Отметим, что обе культуры – английская и русская – основаны на христианском мировоззрении, которое характеризуется «гармонизацией» отношения человека к своей смертности, когда смерть не означает конец жизни, но представляет собой лишь врата, открывающиеся в вечность, так как, появившись в мире как следствие грехопадения Адама, смерть не была сотворена Богом и поэтому не может изменить сущности человека как вечной личности. Однако в Западной Европе со времен раннего средневековья развивалась модель «прирученной смерти», когда она понималась как часть жизни, но не отдельного человека, а всей общины, которая выражала свою солидарность с усопшим в похоронных обрядах, и, таким образом, «дискретное понимание жизни и смерти вполне естественно сменялось континуальным» [2: 75]. В России же при конструктивном восприятии смерти, свойственном христианским культурам, эта тема получила свое особое осмысление, когда неизбежность смерти рассматривалась как зло, порожденное грехом, и смещала ценностный акцент в сторону бессмертия. «Отсюда и смерть человека – абсолютная, невосполнимая потеря; непреодолимое событие» [там же].

При сопоставительном анализе английского романа и его русского перевода XVIII в. мы видим, как автор и переводчик «исповедают» со страниц текста разные взгляды на смерть близких. Для Сары Филдинг это отношение выражается в форме коллективных действий, предусмотренных похоронным ритуалом, вполне искренних в момент их совершения, но не затрагивающих всю глубину сердца родственников усопшего, что позволяет им относительно легко пережить горе (в соответствии с моделью «прирученной смерти»). Для Сергея Саввича Волčkова смерть близкого человека – глубокая трагедия, неизбежное зло, с которым нельзя примириться и которое невозможно пережить. Такой максималистский взгляд русского переводчика исключает любую возможность утешения и вынуждает его умолчать о более спокойном и взвешенном отношении автора к этой общечеловеческой проблеме.

В вопросе отношения к вере английский автор и русский переводчик проявляют не меньшую последовательность. Тема смены вероисповедания возникает в романе однажды, когда героиня, будучи помолвленной с Давидом Симпелем, вынуждена ему отказать, чтобы по настоянию своего отца выйти замуж за старого еврея-ювелира. Такой брачный союз был, естественно, сопряжен для нее с необходимостью отказа от христианства и принятия иудаизма. При передаче религиозной стороны этого сюжета русский переводчик XVIII в. действовал еще более радикально, чем в вопросах восприятия смерти. Рассмотрим его решения на конкретных примерах.

*The Adventures of David Simple
by Sarah Fielding*

4) *He was charmed with her person and thought women's souls were of no great consequence, nor did it signify much what they profess [7: 48].*

5) *Perhaps he might object to her being a Christian; but he had always used her implicitly to obey him and therefore he need not fear her conforming to whatever he pleased [7: 49].*

6) *She was at first startled at the thoughts of changing her religion, but as she had no more understanding than was just necessary to set off her own charms by knowing which dress and which posture became her best; and had never been taught anything more than to go to church of a Sunday when she was not wanted to stay at home to overlook the dinner, without knowing any other reason for it than custom; the rich presents the Jew made her and his promises of keeping her great soon overcame all her scruples, and she consented to have him [7: 50].*

*Истинный друг или Житие Давида
Симпеля /пер. С. С. Волчкова/*

4) *До веры и касаться не хотел, да намерился ей совершенную в том свободу дать [1: 39].*

5) *Только ты до веры ея не касайся, но совершенную в том волю и свободу совести дай, а в прочем она во всем меня послушает [1: 40об].*

Пропущено целиком!

Фрагменты 4) и 5) были не просто опущены в русском переводе, но и заменены на противоположные по содержанию вставки. Фрагмент 6) английского оригинала полностью подвергся опущению в переводном тексте. В отличие от темы смерти здесь, помимо опущений, мы видим открытое вмешательство переводчика в сюжетную сторону романа, когда он противоречит тому, что написано в оригинале, и утверждает невозможность для героини отречения от христианской веры. При этом на соблюдении свободы совести настаивает в примере 5) даже ее отец, чуждый, по замыслу автора, каких-либо моральных принципов. Очевидно, причина таких действий переводчика заключалась не только в опасении духовной цензуры, введенной в России в 1756 г. для наблюдения, в первую очередь, за переводной литературой. Вероятно, традиционное русское сознание было не в состоянии вместить в себя мысль о том, как молодая благовоспитанная девушка могла так легко отказаться от своей веры, воспринимая ее как неосознанную привычку и не желая противостоять искушению богатством.

В трактовке темы веры русское традиционное мышление обнаруживало более благоговейное к ней отношение, уходящее своими корнями в житийную литературу, народные повести и сказания допетровской Московской Руси. Именно на таких текстах воспитывался сам переводчик середины XVIII в., поэтому сохранение религиозного цинизма английского романа в русском переводе представлялось ему просто немислимым.

Еще одна тема, изложение которой в английском романе подверглась систематическим опущениям в рукописном тексте С.С. Волчкова, касается психологии и поведения женщин по отношению к мужчинам. В данном случае конкретные микросюжеты не имеют значения, так как речь идет о размышлениях автора о женском влиянии на мужчину, включенных в повествовательную ткань произведения и носящих характер философских умозаключений, основанных более на личном жизненном опыте Сары Филдинг, чем на развертывании сюжета. Приведем их в качестве примеров в сопоставлении с решениями русского переводчика XVIII в.

*The Adventures of David Simple
by Sarah Fielding*

7) ... for once get the consent of a woman and that of a man (who is vulgarly called in love with her) consequently follows. For though a man's disposition is not naturally bad, yet it is not quite certain he will have resolution enough to resist a woman's continual importunities [7: 10].

8) The girl was commanded by her father, if Mr. David made any addresses to her, to receive them in such a manner as to fix him hers. He said he had conversed with women enough in his time to know they did not want arts to manage the men they had formed any designs on; and therefore desired she would comply with him in a case, which would be so greatly to her advantage [7: 44].

9) He was not afraid of being refused, for he had money enough to have bought a lady of much higher rank; nor did he give himself any trouble about gaining a woman's affections, not thinking them worth having; but took it for granted that every virtuous woman, when she was married, must love her husband well enough to make a good wife and comply with his humour. He went therefore directly to the father and offered to make any settlement he should think proper, if he would give him his daughter [7: 51].

10) He never once reflected on, what is perhaps really the case that to prevent a husband's surfeit or satiety in the matrimonial feast, a little acid is now and then very prudently thrown into the dish by the wife [7: 97].

*Истинный друг или Житие Давида
Симпеля /пер. С. С. Волчкова/*

Пропущено целиком!

8) А хозяин дочери своей наедине приказал, ежели Давид станет ей о любви говорить, то б она, внушения его ласково приемля, к люблению себя от часу более склоняя, приятно и добронравно с ним обходилась, чтобы ей так богатого жениха из рук не упустить [1: 35об].

9) На превеликое богатство свое положась и от сребролюбивого Ионсона отказу не надеясь, прямо к нему с просьбой о дочери пошел [1: 41].

Пропущено целиком!

Наблюдение 7) касается такого влияния женщины на романтически настроенного мужчину, которое можно охарактеризовать как подстрекательство или склонение к дурному поступку. В примере 8) автор устами героя говорит, что женщины обладают врожденной способностью манипулировать мужчинами к своей выгоде. Фрагмент 9) представлен от лица персонажа, который рассматривает женщину как вещь, покупаемую им для исполнения традиционной роли послушной и любящей жены. В рассуждении 10) С. Филдинг указывает, как женщина может мудро и тонко управлять настроением мужа. Из приведенных английских примеров русский переводчик полностью опускает в переводе наблюдения 7) и 10). Фрагмент 9) можно считать почти полностью опущенным, потому что в нем С. С. Волчков оставил без перевода все аргументы и рассуждения персонажа, а передал лишь его действие и мотив к нему. Сходным образом в примере 8) переводчик исключил обобщающую мысль обо всех женщинах, сводя всё к поведению конкретных лиц в отдельно взятой жизненной ситуации. Итак, опущение как прием перевода доминирует в русском тексте, когда речь заходит об авторских выводах о свойствах и поведении женщин в обращении с мужчинами.

Чем же можно объяснить такие действия русского переводчика XVIII в.? Если окинуть взглядом все приведенные высказывания английской писательницы на эту тему, то образ женщины в них предстает не просто далеким от идеала, но явно принижает человеческое достоинство. Героини Сары Филдинг – молодые девушки или замужние женщины разного социального положения – умеют ловко манипулировать мужчинами (неважно, с корыстной ли целью или ради семейного спокойствия). А если женщина не проявляет этого свойства и является любящей женой, то с ее чувствами можно не считаться и обращаться с ней как с вещью, выполняющей свою функцию, хотя это была всего лишь воображаемая картина в сознании мужчины, не предполагавшего, что им могут манипулировать. Такое циничное изображение женщины было явно не по сердцу Сергею Саввичу Волчкову, поэтому он деликатно опустил все подобные умозаключения автора, сведя их к негативным качествам и поведению отдельных персонажей.

Очевидно, в представлении о женщине мы также наблюдаем различия в интерпретации, обусловленные национальной философской традицией. Образ «злой жены» восходит к ветхозаветным мотивам: Ева подтолкнула Адама ко греху, Вирсавия послужила источником искушения для Давида, Далила привела Самсона к гибели. Эти сюжеты, входившие в общеевропейский культурный фон, стали основой для выделения негативных черт женского характера в национальных традициях разных стран. В древнерусской письменности известно немало памятников, как пришедших из Византии и переведенных с греческого, так и созданных на Руси по мотивам византийских, описывающих злонравие женщин. «Все авторы и переписчики-редакторы “Слов о злых женах” трактуют образ женщины практически одинаково: она наделена всеми пороками и недостатками, какие только может помыслить автор. Женщина понимается ими как некое абстрактное злое начало, орудие, с помощью которого дьявол действует в этом мире» [5: 82]. Однако примерно с XIII в. на Руси начинает параллельно развиваться новозаветная модель интерпретации женских образов, в основе которой находилось почитание Богородицы как усердной заступницы

русской земли, а также жен-мироносиц, за свою верность Христу первыми получивших весть о Воскресении. На почве христианского понимания рождается представление о женщине как символе милосердия, кротости, жертвенной любви. И хотя обе модели – ветхозаветная и новозаветная – долгое время сосуществовали в древнерусской традиции, христианская интерпретация женского образа, согласно исследованиям, постепенно стала преобладающей [цит. раб: 83].

Из сказанного видно, что представление о роли женщины, выработанное в русском мировосприятии, отличалось полярностью взглядов и отсутствием некоего срединного подхода. Английская писательница в своем романе намеревалась, по ее собственному признанию, изобразить реалистичную картину, на которой героиня не была бы ни исчадием ада, ни ангелом во плоти: *And I hope to be excused by those gentlemen who are quite sure they have found one woman who is a perfect angel and that all the rest are perfect devils for drawing the character of a woman who was neither* [7: 58] – высказывание, кстати, тоже опущенное в переводе, хотя, судя по ранее приведенным мыслям Сары Филдинг, ей более удалось создать ветхозаветный образ женщины. Представление же Сергея Саввича Волчкова о женском характере было проникнуто христианским мироощущением, а возродить на страницах переводного романа XVIII в. древние картины из разных версий «Слов о злых женах», вероятно, казалось ему совершенно невозможным при передаче современного ему произведения западноевропейской литературы, поэтому о способности женщин манипулировать мужчинами русский переводчик умолчал.

Мы признаем, что единичность рассматриваемых текстов и их создателей в нашем исследовании не позволяет сделать статистически достоверные выводы о полноте отражения национальных философских традиций двух культур: при ограниченном материале слишком многое может зависеть от индивидуального взгляда и манеры. Тем не менее, проанализировав действия С.С. Волчкова, мы склонны считать, что опущения в русском переводе середины XVIII в. носят не случайный и не субъективный характер, но, применяемые переводчиком последовательно к определенным мировоззренческим проблемам, такие пропуски показывают, насколько интерпретация этих тем в английском оригинале казалась чуждой, неприемлемой, не входящей в русскую «систему координат» и поэтому покрывалась молчанием в переводном тексте при том, что остальные части содержания С.С. Волчков стремился передавать точно.

Обобщая наши наблюдения над тем, как преломлялось видение английского автора в русском переводе XVIII в., отметим, что в целом в трактовке тем восприятия смерти, отношения к вере и понимания роли женщины стиль мышления, выраженный в оригинале, отличается большей реалистичностью и приземленностью, доходящей порой до цинизма, по сравнению со взглядом русского переводчика на те же основные вопросы человеческого бытия. Русская трактовка восприятия смерти и благоговейное отношение к вере показывают, напротив, более идеалистическое воззрение, указывающее, как должно быть в жизни, а не как есть на самом деле. Опущения неприглядных сторон женской природы косвенно свидетельствуют о том же

стремлении к идеальному образу. Отсюда можно заключить, что молчание переводчика на заре отечественной литературы выражает его внутреннее несогласие, которое, как мы пытались подчеркнуть в эпиграфе к этой статье, обнаруживает целомудрие и скромность его души.

Список литературы

1. Истинный друг или житие Давида Симпеля [рукопись] / пер. с англ. С. С. Волчкова. [Б.м.], XVIII в. 180 л.
2. Кленина Е. А., Песков А. Е. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2015. № 1 (59). С. 73–77.
3. Ланчиков В. К. Взгляд из прошлого. Об историзме в восприятии старых переводов // Мосты. Журнал переводчиков. 2018. № 4 (60). М.: Р.Валент, 2018. С. 16–29.
4. Таунзенд К. И. Сергей Саввич Волчков и Сара Филдинг: история одного переводного романа // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (24 апреля 2020 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 197–202.
5. Яговец В. В. К вопросу о «злых» и «добродетельных» женах в древнерусской культуре // История и культура. 2010. № 8. С. 79–85.
6. Яковлева Л. Е. Национальная философская традиция как методологическая основа компаративистики // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: материалы междунар. науч. конф. (2-3 декабря 2020 г.). М., 2020. С. 6–16.
7. Fielding S. The Adventures of David Simple, containing an account of his travels through the cities of London and Westminster, in the Search of a Real Friend. By a Lady. In two volumes. Vol. 1. London: Printed for T. Davis, 1772. 278 p.

WHAT THE 18TH CENTURY RUSSIAN TRANSLATOR LEFT OUT

K. I. Taunzend

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article focuses on the omission of considerable parts of the English novel in the 18th century manuscript Russian translation. The left out pieces deal with the topics of attitude to death, attitude to religion and the image of a woman, which gives enough evidence that these omissions are not occasional but they reveal the difference in the national philosophic traditions of both cultures.

Key words: *translation history, literary translation, omission, attitude to death, attitude to religion, image of a woman*

Об авторе:

ТАУНЗЕНД Ксения Игоревна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ, e-mail: townsendX@yandex.ru